

Все лекари города Цзянчжоу собрались в лечебнице «Хуайцзи».

Старый доктор, которого Цю Саньдао в порыве ярости вышвырнул за дверь, а затем едва не растоптала толпа обезумевших от боли мужчин, теперь пребывал в глубоком оцепенении. Его седые волосы спутались, борода была всклокочена, а полы халата — изодраны. Юный подмастерье, со слезами на глазах, то и дело подносил ему чашу с отваром, умоляя выпить хоть глоток, чтобы унять дрожь.

Цуй Люю было невыносимо стыдно. Этот старик со всей душой взялся за его лечение, не пожалев даже драгоценного «заморского снадобья». По словам лекаря, эта жидкость, привозимая лишь раз в год огромными кораблями в малых количествах, предотвращала жар и заражение крови. Видя преклонный возраст Цуй Люя и понимая, как опасны раны, нанесённые калёным железом, доктор без колебаний отдал ему свои лучшие запасы.

Если бы не это чудодейственное средство, Цуй Люй, чьё тело ещё не окончательно окрепло, надолго бы слёг в горячке. Клинок Цю Саньдао, привыкший к крови, не сулил ничего хорошего. Но благодаря лекарю Цуй Люй уже через пару дней смог не просто подняться, но и активно участвовать в делах города.

В душе он был безмерно благодарен и намеревался щедро вознаградить старика при отъезде. Цуй Люй и представить не мог, что Цю Саньдао настолько потеряет над собой контроль, что поднимет руку на человека, который по возрасту годился ему в деды. Удар был силён — у доктора запеклась кровь на губах, дыхание стало тяжёлым и свистящим, а лицо исказилось от муки. Но, несмотря на боль, старик наотрез отказался идти отдыхать. Вместе с другими лекарями он не отрывал жадного взгляда от Ли Янь.

Врачебное любопытство взяло верх над страданиями. Все они — и почтенные мастера, и их помощники — жаждали понять природу этого невероятного феномена: мужской беременности.

Ли Янь же не могла дать им внятных ответов. Окружённая толпой мудрых старцев, ловящих каждое её слово, она побледнела от растерянности. Девушка металась взглядом из стороны в сторону, не зная, какими словами описать то, что было для неё естественным.

Цуй Люй мягко коснулся её плеча, подбадривая:

— Не волнуйся. Если не можешь объяснить — покажи. Командир Цю всё равно ещё без сознания, не так ли? Ты ведь как раз собиралась его «осмотреть».

Благодаря присутствию Би Хэна, гвардейцы Столичного округа притихли. После того как Цю Саньдао в безумии приказал вырезать горожан, они поняли: их путь в Цзянчжоу зашёл в тупик. Теперь у них оставалось лишь два выхода: либо сковать своего командира и везти его в столицу с повинной, либо беспрекословно подчиниться Би Хэну, надеясь искупить вину верной

службой.

В Северных землях Цю Саньдао был им названным братом, и под началом мудрых наставников он слыл воином с блестящим будущим. Но стоило ему получить назначение в Столичный округ, как характер его начал меняться. Братство сменилось строгой иерархией, он полюбил пышные выезды и стал рабом каждого каприза Цзи Байлин.

По праву Цю Саньдао не должен был сопровождать её в этой поездке, но он сам выхлопотал это поручение у императора. Гвардейцы, истосковавшиеся по походам, были рады возможности покинуть душную столицу. Большинство из них были его земляками, а некоторые и вовсе дальними родственниками. Именно один из таких родичей пытался вразумить командира, не ожидая, что невинная прогулка обернётся такой катастрофой.

Теперь они не знали, чьим приказам следовать. Цю Саньдао был не в себе, а госпожа Цзи... о её состоянии лучше было не вспоминать.

Ли Янь, следуя совету Цуй Люя, перевела взгляд на распротёртого Цю Саньдао. Лекари ждали от неё теории, но она ничего не смыслила в медицине. Все её знания о гу исходили от Молодого гу-короля, с которым она была связана с самого детства.

Когда Ли Янь вызвала Молодого гу-короля наружу, лекари в ужасе отшатнулись. Гвардейцы порывались подойти ближе, но люди Цуй Люя и Би Хэна стеной преградили им путь. Солдатам оставалось лишь привстать на цыпочки, сжимая рукояти мечей. Если бы жизни Цю Саньдао угрожала реальная опасность, они бы вступили в бой, даже рискуя судьбой своих семей.

Ли Янь велела У Фану обнажить живот командира. Она осторожно поместила Молодого гу-короля в его пупок. Маленькое существо, изогнувшись, мгновенно скрылось под кожей. У всех присутствующих волосы встали дыбом от этого зрелища. Тело Цю Саньдао конвульсивно дернулось, но в сознание он так и не пришёл.

— Господин Ван, подойдите ближе, — Цуй Люй поманил старого лекаря, заметив, как изменилось лицо Ли Янь.

Ван Шитэн, придерживая ушибленный живот, ковыляя подошёл к столу. Ли Янь улыбнулась ему, сверкнув зубами:

— Дедушка Ван, коснитесь его. Чувствуете изменения?

Теперь старик не смел смотреть на неё как на простую девчущку. Он склонился в почтительном поклоне:

— Конечно... конечно, госпожа Ли. Скажите... любой ли человек может вырастить такое?

За то время, пока Цуй Люй лечился у него, Ван Шитэн успел привязаться к этой странной, но милой девушке. Он часто угощал её сладостями, которые обычно приберегал для внуков, и между ними завязалось некое подобие дружбы.

Ли Янь склонила голову набок, подбирая слова:

— В теории — любой...

При этих словах уши лекарей буквально наострились. Кто-то самый нетерпеливый выкрикнул:

— А на практике?

Ли Янь удивлённо посмотрела на него:

— А если не по-обычному — значит, вырастить его невозможно.

Мужчина покраснел, осознав нелепость своего вопроса, и поспешил исправиться:

— Я имею в виду... каковы условия для того, чтобы приручить гу?

Ли Янь задумалась:

— Нужно быть сиротой. Не иметь кровных уз... и никогда не вступать в брак.

В комнате воцарилась тишина. Лекари переглядывались: что это за условия? Это же удел «одиноким звезды», обречённой на вечное скитание.

Но Ли Янь вполне серьёзно указала на себя:

— Вот я такая. Поэтому Эбао со мной.

Она кивнула сама себе, и больше никто не решился расспрашивать её о тайнах клана. Цуй Люй спрятал улыбку за ладонью. Разум Ли Янь был затуманен, память искажена, но тени прошлого глубоко въелись в её душу. Её ответ, хоть и был странным, разом охладил пыл алчных до знаний целителей.

Весть о том, что мужчины в городе начали беременеть, пробудила в них не только страх, но и профессиональный азарт. Каждый из них уже прикидывал, не станет ли это спасением для бесплодных пар. Если женщина не может родить, и муж в гневе бьёт её за это — почему бы ему не взять эту ношу на себя? Какая разница, кто произведёт дитя на свет? Мысли лекарей уже переключились на нехватку снадобий для сохранения беременности.

Будучи людьми милосердными, они знали, сколько горя выпадало на долю женщин. Идея о том, что во всём всегда виновата жена, была в корне ложной, и теперь, видя такое решение, они едва сдерживали злорадство. Больше никто не посмеет упрекать женщину в отсутствии наследника — хочешь ребёнка, рожай сам!

Ли Янь, почувствовав на себе их жадные взгляды, немного съёжилась и спряталась за спину Цуй Люя.

— Я... я не вру. Всё так и есть.

В этот момент Ван Шитэн изумлённо вскрикнул:

— О боги! Оно... оно...

Ли Янь тут же выскочила из-за спины опекуна:

— Дедушка Ван, вы почувствовали? Оно растёт, правда?

Старик стоял с открытым ртом, не в силах вымолвить ни слова. Наконец он выдавил:

— Да... плотный комок. Он разрастается под кожей, словно... словно...

— Словно что?! Говори же! — закричали коллеги.

Ван Шитэн обернулся к ним:

— Словно лоно. В его чреве формируется нечто, подобное женской утробе.

Ли Янь с хихиканьем протянула руку, и Молодой гу-король, выползший из пупка Цю Саньдао, вернулся к своей хозяйке. Девушка нежно погладила личинку и даже поцеловала её:

— Умница. Теперь плод точно никуда не денется.

— Что ты сделала? — вполголоса спросил Цуй Люй.

Ли Янь невинно улыбнулась:

— Помогла ему закрепиться. И ускорила рост утробного мешка.

— А как же остальные? — спросил Ван Шитэн. — У них тоже вырастет это... лоно?

Ли Янь кивнула:

— У всех. Только без моей помощи это будет медленнее и больнее. Командир Цю теперь — самый надёжный «отец» в городе. У него всё уже готово.

Она сделала паузу, и её глаза лукаво блеснули:

— Обычные мужчины после родов могут вернуться к прежней жизни — их утробный мешок выйдет вместе с младенцем. Но у командира Цю... О, его лоно останется с ним навсегда. Пока его жизненные силы не иссякнут окончательно.

Гвардейцы Цю Саньдао помрачнели.

— Как ты можешь?! — выкрикнул один из них. — Ли Янь, ты ведь тоже с Севера! Как ты можешь так губить нашего командира?

Ли Янь, чувствуя защиту Цуй Люя, ответила резким, пронзительным голосом:

— Я забыла о Севере! Я помню только, как он убил моих марионеточных гу! Если вы мои земляки, то должны знать силу этого гу. Неужели никто из ваших старших не рассказывал вам об этом? Вы боитесь вернуть меня домой, боитесь моей памяти! Вы выбрали его, а не меня, так не смейте говорить о дружбе!

Она закончила свою тираду и снова нырнула за спину Цуй Люя, теребя его рукав:

— Дедушка, я правильно сказала? Я не ошиблась в словах?

Цуй Люй тихо рассмеялся и похвалил её:

— Всё верно, деточка. В следующий раз я научу тебя ещё более острым словечкам, чтобы они не думали, будто тебя можно безнаказанно обижать.

Ли Янь часто закивала:

— Да, я всё выучу. Я заставлю этих злодеев замолчать.

Гвардейцы было потянулись к клинкам, но их тут же осадили лекари:

— Это лечебница! Здесь больные! Хотите воевать — убирайтесь прочь! Нам нужно разобраться в деле!

Они снова облепили Ли Янь:

— А другие? Вы ведь не можете использовать гу на каждом мужчине в городе?

— Конечно, нет! — Ли Янь замотала головой. — Это бы совсем измучило Молодого гу-короля. Другим гу не нужен. Пусть помучаются пару дней от рези в животе, пока лоно растёт, а потом пусть просто ждут срока.

— А если кто-то не захочет рожать? — спросил кто-то.

Лицо Ли Янь мгновенно стало угрюмым:

— Тогда пусть избавляются.

— Значит, это возможно? — с облегчением выдохнул старик.

— Возможно, — отрезала Ли Янь. — Если выдержат боль.

— Объяснись! Не тяни!

Ли Янь сердито сверкнула глазами:

— Первые три дня — единственное время, когда можно убрать плод. Пропустите срок — и всё, он прирастёт намертво. Попробуетесь вытравить его позже — умрёте вместе с ним. И помните: для мужчины доза снадобья должна быть втрое больше, чем для женщины. Иначе утроба не выйдет, и плод зародится снова. К тому же... — она хихикнула. — Если мужчина возжелает мужчину, их дети родятся с уже готовым лоном, и от этого проклятия не будет спасения.

Пока лекари лихорадочно записывали каждое её слово, Цуй Люй вышел вперёд и громко объявил:

— Те, кто был во внутреннем городе три дня назад и почувствовал, как в них вошло насекомое... Если вы ещё не делили ложе с кем-то или если вы ещё юны, у вас есть десять дней, чтобы прийти сюда и изгнать гу. Пропустите срок — и последствия будут необратимы. Идите и расскажите об этом всем, кто до сих пор смеётся над колдовством Цзиннаня.

Он сделал паузу и добавил, слегка лукавя:

— От себя же скажу: рождение ребёнка — это благословение для любого дома. Если кому-то стыдно — запритесь дома на год, никто вас не осудит. Вы же мужчины! Разве вы не можете вынести эту малую муку ради своих жён? К тому же... когда дитя выйдет из вашего собственного чрева, вы будете уверены в нём на все сто процентов. Это ли не самая чистая, самая подлинная кровь? Идите и думайте. У вас есть ещё два дня, чтобы решить, стать ли вам отцами или выпить горькое снадобье.

Цуй Люй сам удивился тому, как складно у него это вышло. Видимо, сказалось влияние тех странных речей, что он слышал в бреду. Но лекари и горожане замерли. Раньше они видели в этом лишь позор, но Цуй Люй перевернул всё с ног на голову. «Муки ради жены», «чистая кровь»... последний аргумент особенно зацепил их.

Ребёнок, в чьём происхождении нельзя усомниться! Это же идеальный наследник!

Мужчины, только что мечтавшие об аборте, притихли. Многие решили, что пару дней боли можно и потерпеть. Они оглядывались друг на друга, шептались о том, чтобы пойти домой и «подумать». Очередь за снадобьями внезапно растаяла — каждый хотел посмотреть, что решат другие.

— Подождём, — шептались они. — Посмотрим, что скажет сосед. Пошлём кого-нибудь разузнать, не купил ли лекарь Чжан отвар для своего сына...

Среди них были и те, кто наотрез отказался от такой судьбы. Один из них прямо в лечебнице осушил чашу с тройной дозой снадобья.

Его истошный крик, полный боли, разнёсся по всей улице, заставив прохожих содрогнуться. Говорили, что его вынесли из комнаты всего в крови. Когда лекарь нащупал его пульс, он в ужасе снова позвал Ли Янь.

Девушка подошла и невинно захлопала ресницами:

— Ой... я забыла сказать? Разве я не говорила? Силой изгнанный плод забирает с собой мужскую силу. На десять лет этот человек станет бесплодным. Разве я не упоминала об этом?

Лекари онемели. «Милая, ты и словом об этом не обмолвилась!» Теперь они были уверены: это колдовство было создано женщинами и для женщин.

Ли Янь улыбнулась, разведя руками:

— Ну, теперь-то все знают. Ещё не поздно предупредить остальных!

Би Хэн вытирал холодный пот со лба и шептал Цуй Люю:

— Она ведь это нарочно, да? Ты уверен, что она не в себе? Мне кажется, она хитрее нас обоих.

— Это инстинкт, — спокойно ответил Цуй Люй. — Цзянчжоу не был к ней добр. Если бы мы не спасли её, проклятие города было бы куда страшнее. Она просто заставляет их рожать...

— Всего лишь?! — Би Хэн нервно усмехнулся. — Она мстит всему городу!

Цуй Люй бросил на него косой взгляд:

— А разве это несправедливо? Юную девушку использовали в своих играх все стороны. Ей не у кого просить защиты. Пусть теперь знают, что у неё есть когти.

Би Хэну нечего было возразить.

Цуй Люй посмотрел на заходящее солнце и обратился к инспектору:

— Если ты и впрямь хочешь помочь людям Цзянчжоу — лови момент. Прижми те кланы, пока они в панике. Послание банде речных перевозок я уже отправил.

Он похлопал Би Хэна по плечу:

— В тот вечер в поместье Янь Сю было много знатных господ. Уверен, сейчас многим из них не до внешних дел. У тебя есть три дня, пока они будут хвататься за животы. Я сделал всё, что мог.

Когда они подошли к воротам поместья Янь Сю, навстречу им выбежала Цзи Байлин. Она смеялась — громко, безумно, почти до икоты. Увидев возвращающегося на носилках Цю Саньдао, она зашлась в новом приступе хохота. Гвардейцы хмурились, а её служанки тщетно пытались её успокоить.

Цзи Байлин вырвалась из их рук и подбежала к носилкам. Глядя в бледное, искажённое болью лицо командира, она снова зашлась в смехе, указывая на него пальцем:

— Поделом тебе! Поделом! Ха-ха-ха! Ты беременен! Ты будешь рожать, как презренная женщина! Как ты теперь вернёшься на Север? Как помотришь в глаза императору? Ты — баба в доспехах! Это твоё возмездие!

Ли Янь, прятаясь за Цуй Люем, с интересом наблюдала за этой сценой. Когда Цзи Байлин наконец перевела дыхание, девушка негромко, но отчётливо произнесла:

— Но ведь он носит твоего ребёнка.

Мир словно замер. Цзи Байлин застыла, а затем с яростью бросилась к Цю Саньдао, вцепляясь в его плечи и тряся их:

— Убей его! Слышишь? Я приказываю тебе — убей этот плод!

Цю Саньдао открыл налитые кровью глаза. В этом шуме и безумии он наконец пришёл в себя. Его голос был хриплым и надтреснутым:

— Байлин... что ты такое говоришь? Наше дитя... ты его не хочешь?

Его нежелание и её отвращение были разной природы. Он боялся за свою честь, она же — ненавидела само напоминание о связи с ним. В этот миг Цю Саньдао понял, что его мир окончательно рухнул.

Он мог смириться со своей участью, но не с её предательством.

Он с силой сжал её запястья, глядя на неё с безумным отчаянием:

— Почему?! Почему ты не хочешь его?! Байлин, ведь рожать буду я! Тебе-то что?! Почему ты так ненавидишь наше дитя?!

Цзи Байлин, не в силах вырваться, выкрикнула ему в лицо:

— Почему я должна радоваться ребёнку от человека, который взял меня силой?! Плевать, кто его родит — это порождение греха! Немедленно избавься от него!

<http://bllate.org/book/16118/1587548>